

ХИМИЯ – ЖИЗНЬ

ТЕКСТ: НАТАЛИЯ ПОЧЕЧУЕВА
ФОТОГРАФИИ: ТАТЬЯНА ПАНОВА

...

Между этажами посуда курсирует на подносе с электроприводом. Кузнецовское блюдо расписано Людмилой Константиновой. Слева у стены – ее картина «Синий угол, красный угол», справа – «Маки» Георгия Острецова.

У двери в детскую висит работа «Нос или сон» Олега Котельникова.
Внизу – фрагмент диптиха «Мамлей не Гоголь, Гоголь не Мамлей» Сергея Пахомова.

СЕГОДНЯ – ПРОМЗОНА. ЗАВТРА – МОДНОЕ АРТИСТИЧЕСКОЕ МЕСТО. ТАКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРОИСХОДЯТ ПО ВСЕМУ МИРУ, И МОСКВА НЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ. НО ВСЕ РАВНО, ГЛЯДЯ НА МАСТЕРСКУЮ ХУДОЖНИКОВ **ГЕОРГИЯ ОСТРЕЦОВА**, **ЛЮДМИЛЫ КОНСТАНТИНОВОЙ** И **СЕРГЕЯ ПАХОМОВА**, НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ, ЧТО ЕЩЕ НЕДАВНО ЭТО МЕСТО БЫЛО ОПЛОТОМ СОВЕТСКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ЕСЛИ ОСТАВИТЬ ЗА СПИНОЙ СУМАТОШНУЮ КИЕВСКУЮ СО ВСЕМИ ЕЕ «РЭДИССОНАМИ» И «ЕВРОПЕЙСКИМИ» И ПРОЕХАТЬ ПО БЕРЕЖКОВСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ ДО НЕРЕАЛЬНОЙ КРАСОТЫ ТЭЦ (не хуже лондонской Tate), а затем свернуть направо, можно попасть в заколдованное место. Здесь за глухим забором между молчаливыми бурыми постройками холодный ветер гонит по шерботому асфальту пыль, а на облезлых боках башен кое-где видны ржавые таблички «Особо опасно!».

Всего сто лет назад эти руины были нарядными краснокирпичными зданиями Дорогомиловского химического завода. В грохочущие семидесятые его переименовали в НПО «Пластик», а потом он медленно, но верно стал ветшать и осыпаться... Обычная история. И хотя этот осколок старой жизни еще по привычке именуется промзоной, между корпусами все чаще можно встретить молодых людей на «веспах» и «мини-куперах». Как водится, про козырное место первыми пронюхали художники, за ними подтянулись киношники, дизайнеры и полиграфисты. Процесс джентрификации пошел полным ходом. Когда же на «Пластике» открылся салон свадебных платьев «Джованна», стало совершенно ясно, что еще одна из двухсот девяти промзон Москвы скоро сдаст свои позиции.

Но нам свадебные платья ни к чему, мы идем в студию КОП к художникам Георгию Острецову, Людмиле Константиновой и Сергею Пахомову. Каждую среду они собирают у себя гостей, готовят новую экспозицию, и к девяти вечера двухсотметровое двухэтажное пространство наполняется друзьями-художниками, галеристами, скачущими детьми, залетными английскими режиссерами и французскими культурологами. Между этажами на лебедке курсирует огромный поднос (наверх – с едой, обратно – с грязной посудой). По крутой лестнице туда-сюда снуют девушки богемной внешности. Кто-то качается на подвешенных к потолку качелях (на них удобно подлететь прямо к столу за стаканом), кто-то терзает боксерскую грушу, кто-то – пианино, из которого вместо подсвечников торчат вываренные до сахарной белизны кости. Здесь нет мольбертов, нет

засохших кистей в заляпанных банках, зато есть зеркальный дискотечный шар, дымовая установка, клетка с ткачком и стена из советских стеклблоков, на которой под самым потолком растут цветы. Еще есть волшебная детская комната (она почему-то зовется кураторской) с исполинской рогатой кроватью и кукольными домиками и прекрасная столярная мастерская – предмет всеобщей зависти и хозяйской гордости. Из ее недр, собственно, и вышла половина местной мебели.

Гостей встречает неизменно изящный Гоша Острецов в костюме французского кровельщика, шейном платке и с бородкой Арамиса. На левой руке у него мирно посапывает младшая дочь Фрося. Старшая Марфа цепляется за бархатную штанину.

Появляется Гошина жена Люда. Отработанными движениями она закидывает Фросю в заплечный мешок, Марфу – на бедро, шоколадный торт – в духовку, пасту с креветками – в кастрюлю и еще что-то детское диетическое – в ковшик. Вот так же лихо она расправляется с выставками, не отходя от семейного мартена и оставаясь при этом безоблачно спокойной. Как ей это удастся, уму непостижимо! Помню, я встретила ее буквально на сносях в полночь с Марфой на руках на темной набережной Яузы в недострое, временно отданном художникам на растерзание. Она бодро цокала каблуками вверх по лестнице, намереваясь влиться в программу Московской биеннале со своей скульптурой «Мускул». И ведь что за женщина, сама как железный мускул, все успевает: и родить, и выставиться.

Раздается рев, и на сцене появляется последний участник трио – художник, актер, музыкант Сергей Пахомов. Его борода всклокочена, сегодня он снимался у Германики, а значит, в образе, а значит, будет орать и материться. Или в другом образе, тихом и нежном, тогда расскажет про собачку Тяфу. Впрочем, я не могу быть объективной, мешают семнадцать лет, прожитых вместе. Он свирепо вращает глазами: «Вчера у меня была лекция о перформансе в Музее современного искусства. Ну я им и пересказал свой день минута в минуту, а когда кончил, они потребовали деньги назад, я им говорю: «Дураки, это же и есть методология перформанса!» Кстати, как тебе моя новая песня «Пролетая над гнездом кукушки, видел я вурдалаков ушки?»»

Экспозиция в мастерской меняется каждую неделю. Под серией «Я – Пахом» из коллекции галереи Саатчи – винтажные голландские кресла и птичья клетка на постаменте XIX века.

Все-таки они с Гошей абсолютно разные. Один режет кресты для церквей. Второй распевает: «Могила <350 вареных курей> (как завещал старый Мамлей)» и снимается в фильмах, на которые во многих странах уже наложен запрет. Пахомов мрачно кивает: «И хорошо, что разные. Запомни, удачные творческие союзы строятся не на сопливой показной любви, а на конфронтации. Контрастность – одно из условий успеха, питательная среда. Но в критериях художественных у нас много общего. Вот и в Лондон на выставку галереи Саатчи «Веселость – главная особенность Советского Союза» (кстати, с 21 ноября будет целых полгода идти) нас вместе с Гошей и Людой пригласили участвовать. Запад привык воспринимать Россию только как родину концептуализма. Интеллектуальные провайдеры вроде Бориса Гройса сделали все, чтобы представить русское искусство однобоко, а это такой же штамп, как Большой театр и Красная площадь. Выставка в Саатчи – это незамысленный взгляд на русское искусство. Ведь еще недавно заниматься НЕконцептуализмом было неприлично. Но сейчас наступило время НАД всеми «измами». Важно само высказывание, а приемы просто берутся на вооружение».

«Ну, затянул... – не выдерживаю я. – НАД, ПОД... занудство. С любым самым сухим банкиром разговаривать интереснее, чем с вами, художниками!» – «Не скажи, я помню, пришел к одному банкиру (надеялся на заказ), он чуть-чуть со мной поговорил, а потом как заорет: «Утку мне, утку!» Я подумал, мало ли, может, он такой эстет, любит помочиться, когда с умным человеком трет. Тут секретарша

выносит утку по-пекински... Короче, заказ не выгорел, зато родилась песня «Я – банкир, у меня маленький х*й!»

Мы входим в главный зал, похожий на храм. «Вот скажи, если вы такие разные, как же вы тут все обустроивали, не передрались?» – «Нет, Гоша привнес парижский опыт, он там прожил десять лет. Я – венский, нью-йоркский. Люда – человек другого поколения, у нее опыт вообще другой. Стройка шла все лето. До нас здесь гнездились офисы и типография, от них остались перегородки, вонючий углопромывочная и нагромождение вентиляционных коробов. Мы все расчистили и выбелили, чтобы можно было использовать пространство как мастерскую, выставочный зал, а при необходимости здесь жить».

Пахомов отправился наверх что-то приколачивать, и его сменил Гоша: «Когда мы сюда впервые вошли, здесь все было зашито коричневыми мебельными фанерованными щитами. Как внутренности огромного шкафа. И хотя мне белые стены никогда не нравились, казались символом съемного жилья, я согласился с Сережей насчет побелки. А сам принес сюда аккуратизм. Ненавижу тюфяк-базарвокзал. Вот у нас дома есть такой стол, на нем много лет царит хаос, и Люда говорит: «Ничего не трогай, это стол-хаос!» А мне импонирует отстраненная стерильность. В Париже я долго работал в мастерской у отца и там научился порядку, любви к инструменту. А еще отца раздражали целлофановые пакеты. Признавал либо крафт, либо деревянные ящики для продуктов. Он у меня грузин, но Франция на него тоже повлияла. Там сейчас все помешаны

Людмила Константинова с младшей дочерью Фросей среди красок и деревообрабатывающих станков.

на экологии. И если бы у меня не было французского опыта, здесь не появилось бы столько растений в неожиданных местах, например под потолком над стеклоблоками. Они как березки, притулившись на старом здании». – «Но при всех различиях у вас ведь и много общего, вы как-то влияете друг на друга в работе?» – «С Людой абсолютно никак не влияем. Пока она не закончит работу, я вообще не понимаю, что она делает, а она не понимает меня. Другое поколение, другие стереотипы заложены, другие отношения с европейской культурой. Она свободнее, ей легче метнуться от реализма к абстракции.

А с Сережей у нас иногда парадоксальные ситуации возникают. Стали мы вытаскивать из сумок-коробок привезенные в мастерскую вещи. Я достал свой противогаз, он – свой. Я – свои вываренные кости, он – свои. Я – свою коллекцию комиксов, он – свою. Это какие-то поколенческие привязки плюс среда. Где в наше время можно было художнику взять череп для штудий? Покупали на кладбище, ну и так далее. Сейчас, наверное, у посткомпьютерного

• • •

Стол художника. Пахомов часто восклицает:
«Порядок на столе – порядок в голове». Кто бы мог подумать!

Кровать «Единорог» была сделана Георгием Острецовым здесь же, в столярной мастерской. Старое дерево – его страсть.

На переднем плане – стол «Айсберг» Георгия Острецова, на заднем – его инсталляция «Склеп».

человека все по-другому». – «А что здесь осталось от химзавода?» – «Вон вывеска на кухне «Нитрит – яд», – показывает Гоша железную табличку. – Когда-то здесь все было отравлено. Сливалось в землю, в реку. Средневековье». – «Я думала, это вы себе напоминание про соль повесили на кухне, хотя соль ведь нитрат... но тоже яд... А зачем вам понадобились эти среды? Зачем такое беспокойство: собирать людей, потом мыть за ними посуду?» – «Эта мастерская – наследница мастерской на Лебяжьем, а до этого была на Колобовском. Мы и там устраивали среды. Это закрытый клуб. Арт-центр. Всего в нашем объединении «Вглас» тринадцать художников. А среды затем, что вариться в собственном соку невозможно. В интеллектуальном вакууме человек погибает. Я прихожу на выставку, смотрю на работы других художников и заражаюсь их энергией. А это бесценно, таланту нужна почва».

Пахомов вернулся и сразу включился в разговор: «Наша работа – это результат общения не только с краской и холстом, но и с людьми. И художник, как режиссер, должен закручивать реальность вокруг себя, чтобы захватить как можно больше людей вокруг. И, как охотник, обладать свержинтуцией. Было понятно, что галереям кирдык и что

надо устраивать галерею там, где живешь. Создать свое государство, поэтому мы решили не связываться ни с какими галереями и каждую среду оперативно выбрасывать в реальность выставку. Гоша это правильно придумал.

Вообще художник – это фабрика, со своим отделом кадров, пиар-отделом, с фабричными цехами, с производством, с отделом реализации. И все в одном человеке. Приятно, конечно, быть художником в берете с бутылочкой, но последние такие примеры – из митьковского времени. Все последующее уже из другой оперы: и романтика как работа, и смех как работа».

Мы поднимаемся на второй этаж, где устроил себе гнездовье Пахомов, и оттуда – на огромную плоскую крышу. Он говорит: «Смотри, какие у меня тут две Москвы: с одной стороны благодать – Новодевичий монастырь, с другой – царство дьявола и денег – Сити. А я как раз посередине, на пересечении. И вот еще тут у нас песочница на крыше пиратская. Осталась от кукольного театра, который устраивали для детей. Они смешные. Я недавно прихожу, а Марфа говорит: «Мы тебе приготовили сюрприз». Они выдавили все мои краски, сделали большой такой торт из разноцветных какашечек. Я потом два часа засасывал эти колбаски назад в тубики».

Я обращаюсь к Гоше: «У вас дети с самого начала варятся в одном соку со взрослыми. Вы не боитесь дурного влияния – мата, например?» – «Если мат – часть художественного

ONE DAY YOU WILL*

*ОДНАЖДЫ ТВОЯ
МЕЧТА СБУДЕТСЯ

THE SPIRIT OF A PIONEER
ДУХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Минздравсоцразвития России предупреждает:
чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью

Георгий Острцов и Сергей Пахомов. Последняя фаза любой вечеринки обычно протекает на крыше.

контекста, то нет. Вон Марфа носит значок «Гоша Острцов – х**вый художник». Мама ей объяснила, что это плохое слово. Она очень удивилась, думала, раз портрет папы, то все хорошо. Вообще-то это из проекта опального Авдея Тер-Оганьяна для галереи Гельмана. Там он всех ругал. «Гельман – еврей, Гельман – говно». И по художникам прошелся».

Мы возвращаемся на первый этаж в столярную мастерскую, рассматриваем Гошино хозяйство. Он говорит: «Я в Париже когда жил, даже ложки себе резал. Это принцип Робинзона: если тебе что-то нужно – сделай! Жаль, машину нельзя выточить. Считаю, художник должен окружать себя живыми предметами».

Мы когда с тещей ходили встречать Люду из роддома, там все стояли с цветами под ужасными холодными неоновыми лампами, на стенах что-то салатное керамическое. И скажи, чем такой роддом отличается от морга? Ничем! Для меня это ад. Пластиковая псевдокрасота, и всем на все наплевать. Уют для них – это включенный телевизор».

То ли дело старое дерево, оно несет в себе архаичность, люблю включать туда элементы цветной подсветки или живописи, например комиксов. На контрасте дать им новую жизнь. В моей мебели легко проследить идею. Это арт-объект. Часто я иду от материала. Всякую случайность перевожу в качество. Переосмысливаю». – «Но ведь если вокруг будут вещи только ручной работы, это же можно

с ума сойти!» – «Наоборот, выздороветь. Нет, я не призываю жить в домике бабы-яги. Но это и не получится. Слишком много вокруг промышленных вещей». – «Одежду ты тоже шьешь?» – «В Париже раньше шил сандалии, штаны, куртки из кожи. Продельывал дырочки и продергивал вошеную нитку. У меня даже Кафельбажак заказывал какие-то вещи. Уже потом нашел в Париже магазин, где продаются ремейки одежды XIX века. Я люблю штаны с высоким поясом, в этом есть что-то от пиратов. Еще мне в детстве нравился человек-амфибия, он тоже в шейном платке ходил».

«А у меня, – подхватывает Пахомов, – мебель – это переработка картин и объектов в столы и стеллажи. Чаще в столы. Я же хочу всех перехитрить и обмануть. Я считаю, вся мебель давно придумана и стоит в венских музеях. Поэтому у меня скорее желание самого себя развлечь, тогда и окружающим будет весело. Есть какие-то произведения, которые мне надоели. Я их распиливаю, приделываю ножки, колесики. Получаются новые объекты из кусков старых. Мне нравится заниматься компиляцией».

Наконец Люде удастся занять детей, накормить гостей и присоединиться к нам. Я говорю: «Как же так, ты такая скромная, а мне казалось, что у художника обязательно должны быть гигантские амбиции». Она говорит: «Очень от этого страдаю, но нет. У меня даже одна работа этому посвящена – No ambitions». – «А у Гоши?» – «Конечно, есть, он целый мир может перевернуть». – «А у Сережи?» – «Еще бы, он же пишет повсюду «Пахом, Пахом, Пахом...» 🤪»

PROVASI

Designers & Manufacturers

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В РОССИИ • 7 (495) 940 90 64 • PROVASI@PROVASMOSCOW.RU • WWW.PROVASI.COM

МИЛАН | АБУ-ДАБИ | АМЛА-АТА | ПЕКИН | ШАНХАЙ | СТАМБУЛ | КИЕВ | САН-ПЕТЕРБУРГ | ТАЙПЕЙ | МОСКВА | РИМ | ТЕГЕРАН | САН-ФРАНЦИСКО